

Во время съемок проблемы чаще всего возникают с массовками и непредвиденными обстоятельствами, а также иногда из-за неудачного исполнения на месте, что приводит к необходимости переснимать сцены.

Прежде чем отправиться в степь, актеры уже знали, какие именно сцены предстоит снимать. Хотя порядок съемок был изменен в последний момент, большинство актеров были достаточно опытными, поэтому они спокойно наносили грим, одновременно изучая сценарий, чтобы подтвердить детали предстоящих сцен.

Сун Цисинь, обутый в резиновые сапоги и одетый в прозрачный дождевик, быстро шел по траве к только что установленной палатке с реквизитом. У Хэн, находившийся в шаге позади него, также был одет в дождевик и держал над ними огромный зонт, значительно больше обычного, плотно следуя за Сун Цисинем.

Войдя в палатку, Сун Цисинь осмотрел декорации и наконец вздохнул с облегчением. Он кивнул:

— Все палатки готовы. Сообщите всем, что съемки начнутся в 11:30.

Было запланировано четыре сцены под дождем, и сейчас, как раз в нужный момент, они должны были успеть снять их, пока погода еще не стала слишком холодной, а дождь не прекратился.

Они также тайно молились, чтобы дождь не превратился внезапно в снег... Хотя им и нужны были сцены с сильным снегопадом, если бы снег пошел сейчас, это бы серьезно нарушило их график.

Уведомления быстро разослали по всем отделам, и к 11:30 утра, после раннего обеда, все отправились к своим палаткам и местам для съемок на открытом воздухе.

Сун Цисинь также должен был снять одну из сцен. Ему предстояло снимать не главного героя из Царства Цзэ, а его противника из Царства Цин.

Ему нужно было снять две сцены: одну в палатке, где через вход можно было видеть ливень, и вторую — под дождем, где главнокомандующий Цин садился на коня, чтобы возглавить ночную атаку на лагерь Цзэ.

Иными словами, ему нужно было снять одну внутреннюю и одну наружную сцену под дождем.

Сун Цисинь не испытывал никаких особых чувств по этому поводу, и сотрудники съемочной группы также воспринимали это как обычное дело — ради эффекта они могли бы даже устроить искусственный дождь, если бы не было настоящего, так что сейчас, когда природа сама им помогает, это даже упрощало задачу.

Только У Хэн, стоявший у входа в палатку рядом с креслом режиссера, где сидел Сун Цисинь, чувствовал некоторую тяжесть на сердце — такая погода, такие условия съемок... Внутри палатки еще терпимо, но когда вечером придется снимать сцены под дождем, если об этом узнает господин Сун... Хм.

Поэтому, когда Сун Цисинь дал команду начать съемки, и все в комнате замерли в ожидании, У Хэн опустил взгляд, размышляя о том, все ли лекарства в аптечке в доме на колесах на месте.

Сун Цисинь не думал о климатических проблемах или возможном намокании вечером. Сев в

кресло режиссера, он сначала слегка занервничал — хотя он и наблюдал за съемками вместе с режиссером Чжоу, а в прошлой жизни у него был опыт организации съемок рекламы, он никогда раньше не был настоящим режиссером. Но вскоре он взял себя в руки и сосредоточенно уставился на вход в палатку.

Двое мужчин один за другим вошли в палатку. Первый, выглядевший на двадцать семь или двадцать восемь лет, имел резкие черты лица и спокойный взгляд. Второй был чуть ниже и, войдя внутрь, не обращая внимания на капли дождя на своей одежде, поспешил снять мокрый плащ с первого.

— Докладываю, главнокомандующий, письмо от государя, — раздался голос у входа в палатку сразу после того, как они вошли.

Первый мужчина обернулся и слегка кивнул второму, который тут же поклонился и вышел, чтобы забрать письмо.

Прочитав его, главнокомандующий слегка нахмурился и медленно направился к длинному столу внутри палатки. Второй мужчина подождал немного, затем поднял голову и тихо спросил:

— Главнокомандующий, неужели сегодняшняя ночь изменится?

Главнокомандующий покачал головой:

— Это не касается сегодняшней битвы.

Затем он слегка вздохнул:

— Государь слишком торопится. На днях он снова отчитал четвертого принца, опасаясь, что тот тайно сговорился с Царством Цзэ...

— Стоп! — Сун Цисинь прервал сцену, не дожидаясь ее завершения, и попросил операторов немного скорректировать позиции. — Первая камера смещена вправо, вторая камера — поднимите выше, ваша позиция должна быть здесь...

Сейчас это была всего лишь первая пробная съемка, и нужно было подправить некоторые детали, чтобы не испортить эффект.

После того как все выполнили его указания, Сун Цисинь вдруг остановил актера, играющего главнокомандующего Цин, и отвел его в сторону, чтобы обсудить сцену.

У Хэн остался у кресла режиссера, сначала оглядев небольшую палатку, где две камеры меняли угол, чтобы найти лучшую позицию, затем перевел взгляд на Сун Цисиня, слегка нахмурившись, когда увидел, как тот с серьезным видом объясняет актеру, играющему главнокомандующего.

Нельзя было винить его за то, что он уделяет этому человеку столько внимания, ведь это был именно тот человек, о котором Сун Цзюнь ранее звонил и просил его особенно остерегаться.

Причина, по которой Сун Цзюнь испытывал такую неприязнь и подозрения к этому молодому человеку по имени Цзян Чжэ, заключалась в том, что после распределения ролей режиссером Чжоу, Сун Цисинь должен был снимать всего три сцены, и все они были связаны с этим актером.

Иными словами, Сун Цисинь должен был снимать большинство сцен с этим актером! Помимо двух сцен под дождем, перед финалом была еще одна сцена, где он должен был снимать осаду правителя Цзэ, и Сун Цисинь также должен был работать с этим актером.

Конечно, режиссер Чжоу так распределил роли по нескольким причинам. Во-первых, хотя главнокомандующий Цин не был главным героем и у него было не так много сцен, его историческая известность была довольно высокой — тема красавца-полководца всегда была популярна среди потомков.

Во-вторых, актер, исполняющий эту роль, был сейчас очень популярным мужчиной. Цзян Чжэ, хотя и не был профессиональным актером, среди множества молодых звезд считался талантливым и имел множество поклонников в стране.

В-третьих, сцены, в которых должен был сниматься Цзян Чжэ, хотя и были важными, но их было не так много, и они не были слишком сложными, поэтому режиссер Чжоу решил передать их Сун Цисиню.

Именно поэтому, после того как Сун Цзюнь специально изучил информацию об этом актере, он был крайне недоволен странными слухами вокруг него и не хотел, чтобы его сын работал с этим «неприличным» актером, который мог бы его испортить.

Хотя У Хэн ранее успокаивал Сун Цзюня, уверяя его, что все будет в порядке, сейчас... как по долгу службы, так и лично, он должен был следить за этими двумя, чтобы убедиться, что между ними действительно не возникнет никаких проблем — даже слухи не должны появиться в каких-либо газетах!

Используя свои навыки маскировки, он незаметно для всех в комнате, как обычно, подошел на шаг позади Сун Цисиня, как раз в тот момент, когда тот подводил итог:

— ...В общем, это должно быть примерно так. Поскольку он и правитель Цин — друзья детства, то, говоря о нем, нельзя быть слишком почтительным, но и полностью безразличным тоже нельзя, особенно после того, как он получил письмо с жалобами на семейные дела...

Цзян Чжэ сначала был удивлен словами Сун Цисиня, ведь он играл полководца, и разве не достаточно было просто проявлять уважение к правителю? Но теперь, выслушав его анализ, он понял, что в этом есть смысл, хотя баланс...

Он задумался, держа в руках письмо как реквизит, и начал примерять различные выражения лица.

То хмурился, то вздыхал, то улыбался. Если бы кто-то издали увидел его в этот момент, не зная, что он делает, то наверняка подумал бы, что он сумасшедший.

<http://bllate.org/book/16375/1481705>